

АЛЕКСЕЙ ГРАДОВ

ОПОЗНАНИЕ

18+

Алексей Градов

Опознание

«Автор»

2026

Градов А.

Опознание / А. Градов — «Автор», 2026

В Островске не бывает идеальных преступлений — бывают лишь купленные экспертизы. Следователь СК Родион Гранин получает дело, которое велено быстро сдать в архив: в сгоревшем фургоне найдены останки создателя стратегической Северной дамбы. Но Гранин выясняет жуткую правду. Заживо сожгли не архитектора, а безымянного бродягу. Настоящий проектировщик исчез вместе с документами, доказывающими, что миллиардный объект возводят из дешевого песка. Система приказывает молчать. Теневой хозяин города готов на всё ради спасения капитала. У Гранина нет союзников, но есть упрямый принцип: вернуть убитому бездомному его подлинное имя. Счет идет на часы. На Островск надвигается рекордный шторм «Святогор». Слепой стихии безразличны взятки — она намерена лично проверить фальшивую дамбу на прочность, грозя затопить город и вскрыть бетонные могильники. «Опознание» Алексея Градова — мрачный процедурал о том, как упрямство одного человека способно сломать коррумпированную систему.

© Градов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Уголь и плоть	5
Глава 2. Холодный кафель	9
Глава 3. Дом на набережной	14
Глава 4. Протокол сомнений	18
Глава 5. Тень на косе	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алексей Градов

Опознание

Глава 1. Уголь и плоть

Уазик подбросило на очередной выбоине, и пластиковый стаканчик в руке Гранина хрустнул. Холодная бурая жижа плеснула на пальцы. Майор медленно слизал горькие капли с костяшек, поморщился от скрипнувшего на зубах осадка растворимого кофе и уставился в боковое стекло. За окном тянулась ноябрьская морось. Островск тонул в ледяной водяной пыли. Сквозь мутную пелену, смазываемую ритмичными взмахами резиновых дворников, проступали ржавые скелеты портовых кранов. Они выстроились вдоль невидимой береговой линии, похожие на парализованных гигантских насекомых, выхваченных из вязкой темноты желтушным светом натриевых фонарей.

На часах приборной панели мерцали зеленые цифры: 03:40. Салон служебной машины пропах сырым табаком, бензиновым выхлопом и перегоревшим маслом. Печка выла на максимальных оборотах, гоняя по кругу сухой пыльный жар. От этого искусственного тепла стягивало кожу на скулах, но ноги в промокших ботинках все равно отчаянно стыли. Водитель Михалыч крутил тонкую оплетку руля молча, с угрюмой сосредоточенностью вылавливая в свете фар уцелевшие островки асфальта на разбитой дороге к промзоне.

Гранин сжал пустой стаканчик, смятая его в плоскую лепешку, и сунул в карман вытертого драпового пальто. Тяжелая ткань, пропитавшаяся запахами мокрого снега и сигарет, казалась свинцовой. Жесткий, потерявший форму воротник больно натер шею. Майор попытался ослабить узел галстука, но замерзшие пальцы путались. Под веками словно рассыпали речной песок — каждое моргание давалось с трудом, требуя физического усилия. Он прикрыл глаза, прислушиваясь к дребезжанию плохо подогнанной оконной рамы, гулу старой трансмиссии и дробному стуку капель по жестяной крыше.

В гудящей голове сухой скороговоркой прокручивалось сообщение дежурного, выдернувшее его с узкой койки в следственном отделе около часа назад. «Родион Андреевич, у нас четырнадцатый километр. Глухой съезд к старому терминалу. Пожарные тушили съехавший в кювет микроавтобус. А внутри — кости. Спецы из МЧС говорят, точно человеческие, череп целый. Выезжай, деваться некуда».

Кости. Это слово отдавалось в висках тупой пульсирующей болью. Гранин с силой потер переносицу пальцами, пытаясь отогнать мигрень. Обычно на такие ночные вызовы отправляли молодняк набирать стаж на бытовухе и сгоревших остовах. Но сегодня ночью Островск словно сорвался с цепи. Сначала поножовщина в портовом доке, потом пьяное ДТП с тремя жмурами. В управлении не осталось ни одного свободного человека. И теперь этот чертов сгоревший фургон на границе индустриальной пустоши. Там, где даже днем не встретишь ни одной живой души, кроме бродячих собак.

Дорога вильнула, огибая глухой бетонный забор с мотками колючей проволоки. Свет фар выхватил из мрака покосившийся километровый столб с полустертой цифрой четырнадцать.

— Подъезжаем, Андреич, — хрипло бросил Михалыч, не отрывая взгляда от дороги, и начал сбрасывать скорость. Коробка передач лязгнула, машина дернулась.

Гранин открыл глаза. Впереди, сквозь косую сетку дождя, сырую темень разрезали тревожные всполохи. Синие проблесковые маячки патрульных машин и тяжелой автоцистерны пульсировали на мокром асфальте, отражаясь в лужах мутными пятнами. Этот свет агрессивно выхватывал из темноты суесящиеся силуэты в блестящих плащах и кислотно-желтых жилетах.

Поперек размытой обочины кто-то из прибывших патрульных уже натянул полосатую красно-белую ленту, тяжело обвисшую под весом скопившейся влаги.

Уазик съехал на обочину, переваливаясь на ухабах, и резко клюнул носом, когда водитель ударил по тормозам. Трепотка ручника прозвучала в тесном салоне неестественно громко. Гранин ничего не ответил. Он машинально проверил, на месте ли блокнот во внутреннем кармане, нащупал гладкий корпус ручки. Взгляд зацепился за обугленный металлический остов, торчащий из грязи метрах в двадцати. От него в низкое, затянутое тучами небо медленно тянулся сизый дым. Майор потянул на себя тугую ручку. Распахнул тяжелую дверцу уазика, поставил подошву в мокрую глину обочины и сделал первый вдох сырого, пахнущего гарью воздуха.

Грязь зачавкала под подошвой, засасывая ботинок до самой шнуровки. Холодная вода просочилась сквозь старую кожу, но Гранин не сбил шаг. Ветер с залива нес от кювета густой чад — тяжелую, оседающую на корне языка смесь плавленого пластика, жженой резины и раскаленного металла, остывающего под моросью.

За полосатой лентой, в свете прожекторов пожарной автоцистерны, суетились бойцы ПЧ-4. В низине, метрах в десяти от обочины, чернел изуродованный огнем остов. Судя по искаженному силуэту и выгоревшей дотла решетке радиатора, это был старый микроавтобус «Соболь». От его перекошенной рамы всё ещё валил густой серый пар, испаряя бьющие по раскаленному железу капли дождя.

Наперерез Гранину из темноты вынырнула сутулая фигура в мешковатом дождевике. Местный лейтенант. Совсем пацан, с красными от недосыпа глазами и дерганой моторикой. — Здравия желаю, товарищ майор, — он переложил папку в левую руку и сунул Гранину планшет с бланком предварительного протокола. — Оперуполномоченный Лебедев. Первично зафиксировали. Сообщение поступило в ноль два пятнадцать. Водитель дальнмера увидел зарево, вызвал пулыт.

Гранин молча взял планшет, пробежался уставшими глазами по строчкам, заполненным прыгающим шариковым почерком. В графе «предварительная причина возгорания» стоял корявый прочерк, а в строке потерпевших зияло неаккуратное слово «неустановленный». — Бахилы, — хрипло бросил Гранин, возвращая пластик оперативнику. Гранин достал из багажника уазика резиновые галоши. Натянул их поверх ботинок, а сверху нацепил шуршащие бахилы, которые протянул пацан. Теперь можно было спускаться в раскисшую жижу, не рискуя уничтожить собственные следы.

Он шагнул под ленту и начал спуск. Глинистый склон кювета после ливня превратился в ледяную горку. Гранин спускался боком, цепляясь рукой за жесткие стебли мерзлого бурьяна. С каждым метром вниз температура парадоксально повышалась. К запаху жженого железа примешивался тошнотворно-липкий душок прожаренной плоти. Он перебивал даже едкую вонь сгоревшей автомобильной синтетики.

В самом низу, у искореженного борта, темноту распарывали белые вспышки. Сержант Денис Кисляк, прикомандированный молодой опер, щелкал служебной зеркалкой, фиксируя периметр. Услышав шаги, он опустил камеру. Лицо Кисляка в отблесках мигалок казалось землистым. — Родион Андреич, — коротко кивнул он. Голос звучал глухо из-под поднятого воротника штормовки. — Пекло тут было знатное. Угли до сих пор красные под рамой, температура градусов двести держится. Пожарные цистерну вылили, а оно парит, как разогретый котел.

Гранин подошел ближе, стараясь не наступить на глубокий след протектора «Соболя». Он был впечатан в раскисшую глину еще до того, как машина превратилась в факел, и теперь в отпечатке собиралась мутная дождевая вода с сажей. — Что по машине? — Гранин остановился в двух шагах от правого борта. Заводская краска выгорела добела, обнаженный металл пошел волнами от экстремального жара.

— Глухарь, — Кисляк сплюнул в грязь. — Номеров нет. Ни спереди, ни сзади. Спилены болгаркой, срезы чистые. VIN-номер на раме выжгли кислотой или автогенном. Бак разорван в ключья по шву, но это следствие температурного скачка. Очагов возгорания было минимум два. Один под пассажирским сиденьем, другой — под водительским. Кто-то щедро плеснул горючкой в салон. Скорее всего, ацетон или промышленная химия. Обычный бензин такую температуру не нагоняет. И копать другая.

Гранин молчал. Он смотрел на переднее колесо. Резина стекла на деформированный ржавый обод черной смолой, обнажив переплетенный стальной корд. Майор стянул мокрую перчатку, сунул озябшие пальцы в карман пальто за платком, но передумал. Достал руку обратно, просто чтобы смахнуть морось, заливающую воспаленные глаза. — Значит, жгли целенаправленно, — констатировал Гранин. Голос прозвучал как тупой наждак по металлу. — Чтобы наверняка не оставить следов. — Именно, — Кисляк подошел вплотную. — И того, кто сидел внутри, спалили тоже с гарантией. До состояния угля.

Гранин перевел немигающий взгляд на сержанта. Тот молча протянул ему тяжелый, заляпанный копотью металлический фонарь. Рукоять оказалась ледяной, но Гранин обхватил ее плотно, до побеления костяшек. Щелкнул тугой кнопкой. Широкий луч холодного диодного света разрезал мрак, выхватив из темноты кружащиеся хлопья падающего пепла. Майор сделал шаг к покореженной двери, медленно поднял фонарь и направил его плотный луч внутрь скрюченного каркаса водительской кабины прямо на то, что осталось от сиденья.

Свет мощного фонаря ударил в черную пустоту кабины. В нос ударил концентрированный запах печеного мяса, резко отличающийся от гари паленого поролона и пластика. Луч выхватил из мрака пружины сиденья, обнаженные огнем, и на них, скорчившись, темнел обгоревший манекен.

Тело застыло в типичной позе боксера — руки согнуты в локтях и прижаты к груди, ноги подтянуты к животу. Мышцы под воздействием колоссальной температуры сократились, скрутив позвоночник в дугу. Одежда исчезла полностью, спеклась с плотью в единый смоляной панцирь. На груди и бедрах мышечная ткань сгорела до костей; обнаженные ребра белели мелом с серыми подпалинами, свидетельствуя о начавшемся процессе кальцинации. Череп лопнул вдоль теменного шва — следствие резкого вскипания внутричерепной жидкости. От лица осталась лишь черная, потрескавшаяся корка без носа и губ. Желтые, растрескавшиеся зубы скалились в жуткой гримасе сквозь сгоревшую щеку.

Гранин стоял неподвижно, привыкая к зрелищу. Минуту назад здесь бушевало пламя, способное плавить металл. Теперь остался лишь кусок обугленной биомассы, которому предстояло стать объектом судебно-медицинской экспертизы.

— Включай диктофон, — тихо скомандовал Гранин, не опуская фонарь.

Кисляк щелкнул кнопкой записи на диктофоне и вынул из кармана пластиковую линейку с миллиметровой шкалой. Гранин прокашлялся. Горло саднило от едкого дыма.

— Осмотр места происшествия, — начал он сухим, рубленным тоном, диктуя под стук капель дождя по сгоревшему кузову. — В кабине обгоревшего микроавтобуса без номерных знаков обнаружен труп неизвестного человека. Поза — сгибательная контрактура, так называемая поза боксера. Термические повреждения соответствуют четвертой степени ожогов. Наблюдается полное обугливание мягких тканей лица, грудной клетки и нижних конечностей. Череп имеет продольную трещину. Волосистой покров отсутствует. Одежда уничтожена огнем. Возраст и пол на первый взгляд определить невозможно.

Кисляк молча подносил линейку к поврежденным костям, фиксируя масштаб на фотокамеру. Гранин водил лучом фонаря, отмечая детали. Ткани на левом предплечье сохранились чуть лучше, частично прикрытые туловищем. Рука, прижатая к остаткам оплавленной рулевой колонки, представляла собой черный обрубок, но кисть, в отличие от правой, сгоревшей до

кости, уцелела. Пальцы сжались в кулак, кожа на них лопнула, обнажив серые сухожилия, но структура фаланг была различима.

Свет фонаря скользнул по левой кисти и выхватил тусклый блеск.

— Свети сюда, — Гранин указал фонарем на левую руку. — Кисляк, пинцет.

Сержант извлек из чемоданчика длинный хирургический пинцет. Гранин поднес луч почти вплотную. На безымянном пальце, вплавленный в обугленную плоть, темнел деформированный ободок металла. Золото. Оно не стекло, как алюминий, но оплавилось, потеряв форму.

Кисляк осторожно, стараясь не повредить остатки тканей, подцепил кольцо пинцетом. Оно подалось с легким хрустом — спекшаяся кожа ломалась, как сухой пергамент. Сержант аккуратно повернул кольцо. На внутренней стороне, там, где металл пострадал меньше всего, в свете фонаря проступили гравированные буквы.

— Снимай, — бросил Гранин.

Кисляк сделал несколько макроснимков, затем осторожно снял кольцо и положил его на пластиковую подложку. Гранин достал из кармана лупу и склонился над уликой.

Сквозь слой сажи и окиси отчетливо читалась надпись: «Е.Л. 14.07.2011».

В голове майора щелкнул невидимый тумблер. Сводки, которые он просматривал утром. Заявление о пропаже. Артур Липинский. Главный архитектор города. Исчез три дня назад. Жена — Елена Липинская. Инициалы. Дата. Все сходилось.

— Е.Л., — Гранин выпрямился. — Елена Липинская. Если это ее кольцо, то труп, возможно, ее мужа. Артура Липинского.

Кисляк присвистнул. — Архитектор? Ничего себе. Его же вроде весь город ищет.

— Ищет, — Гранин спрятал лупу. — А мы нашли. Вернее, то, что от него осталось.

Он снова посмотрел на обугленный манекен. Архитектор. Главный человек по застройке порта. Человек с деньгами и связями. Сгоревший в безымянном микроавтобусе без номеров на заброшенной дороге. Слишком много вопросов для одной ночи.

Санитары из труповозки уже разворачивали черный пластиковый мешок, готовясь к неприятной процедуре извлечения останков. Кисляк собирал инструменты. Осмотр был окончен. Первичные данные зафиксированы. Теперь дело за судмедэкспертом.

Гранин тяжело вздохнул, вдыхая сырой воздух. Дождь усилился, смывая копоть с раскисшей глины. Майор развернулся и медленно пошел вверх по склону кювета, проваливаясь в грязь. У обочины стоял его уазик. Гранин подошел к багажнику, бросил туда фонарь и захлопнул крышку с глухим металлическим лязгом. Стянул с рук синие нитриловые перчатки, обнажив бледную кожу. На указательном пальце правой руки остался серый след от пепла. Он потер его большим пальцем, размазывая сажу, и открыл переднюю дверь машины.

— Поехали, Михалыч, — сказал Гранин, садясь на холодное сиденье. — Прямо в морг на Заречной. Я должен быть там, когда его распакуют.

Глава 2. Холодный кафель

Подвальный коридор морга на Заречной встретил Гранина привычной, вьевшейся в стены смесью запахов: едкой хлорки, застоявшегося формалина и крепкой махорки. Этот аромат оседал на одежде мгновенно, въедался в волосы, оставаясь с тобой до конца дня, сколько бы ты ни пытался его смыть. Желто-зеленый кафель, сплошь исполосованный сетью мелких трещин, был влажным. Гудящая, как трансформатор, вытяжка едва справлялась с тяжелым, спертým воздухом.

Гранин сидел на продавленном венском стуле в закутке дежурного эксперта, механически потирая переносицу. Под веками по-прежнему скрипел песок. В секционной за стеклянной перегородкой, на центральном цинковом столе, под слепящим светом круглых бестеневых ламп лежало то, что еще недавно было человеком, а теперь числилось в документах как «объект №42». Черный, скорченный манекен.

Дверь секционной распахнулась. Макар Шведов — «Костоправ» — тяжело переступил порог. Сутулый, худой как жердь, в потертом синем хирургическом костюме и толстом брезентовом фартуке, заляпанном бурыми пятнами. Его артритные, узловатые пальцы стягивали окровавленные перчатки с таким остервенением, словно он пытался содрать собственную кожу. Бросив латекс в пластиковое ведро с надписью «Опасные отходы», Шведов шагнул к раковине.

— Опять бойлер сдох, мать их за ногу, — прохрипел он, яростно намыливая руки куском коричневого хозяйственного мыла. Ледяная вода с шумом била в железную раковину, смывая бурю пену. — Третий раз за месяц. Как скотине приходится в проруби полоскаться.

Он выключил кран, стряхнул воду и вытер руки застиранным вафельным полотенцем. От его дыхания в стылом воздухе подвала повисал легкий пар. Шведов подошел к Гранину, стянул с носа массивные очки в роговой оправе и устало потер воспаленные глаза.

— Ну, что, Родя. Порадовал ты меня с утра, ничего не скажешь, — судмедэксперт достал из кармана мятую пачку «Беломора» и сунул папиросу в зубы, не прикуривая. — Зажарили твоего клиента на совесть. Температура в очаге была такая, что кости лопались, как орехи.

Гранин подался вперед. Стул под ним жалобно скрипнул. — Что по предварительным? — А по предварительным, Родя, картина маслом, — Шведов прищурился. — Тканей нет процентов на семьдесят. Внутренние органы сварились. Череп дал продольную трещину от перепада давления. Но вот что интересно...

Эксперт сделал паузу, пожевал мундштук папиросы и ткнул кривым пальцем в сторону стекла секционной. — В трахее и бронхах копоты — кот наплакал. Гранин нахмурился. — Значит, не дышал, когда горел? — Или не дышал, или дышал так слабо, что почти не втягивал, — кивнул Шведов. — Жду гистологию, конечно, но предварительно — либо он был уже жмуром, когда его подпалили, либо в глубокой отключке. Снотворное, наркота, удар по башке — узнаем позже, если токсикология хоть что-то вытянет из этого пепла.

Шведов подошел к металлическому шкафчику, звякнул ключами и достал небольшой почкообразный лоток из нержавеющей стали. Поставил его на край стола перед Граниным. — Вот. Отмыли, как смогли.

В лотке на белой марлевой салфетке лежало золотое кольцо. Оплавленное, потерявшее идеальную круглую форму, оно тускло блестело в неровном свете лампы дневного света. Гравировка на внутренней стороне была очищена от сажи и теперь читалась легко.

— Жена Липинского оповещена? — спросил Шведов, кивнув на лоток. — Опер поехал за ней час назад, — ответил Гранин, глядя на золото. — Должна быть с минуты на минуту. — Ну-ну, — эксперт усмехнулся, но как-то невесело. — Только что она там опознавать будет? Эту

головешку? Если только по кольцу. И по зубам, если я до них доберусь. Челюсть там спеклась знатно.

В дальнем конце коридора гулко хлопнула тяжелая, обитая черным дерматином дверь. Звук ударился о кафельные стены и раскатился по подвалу эхом. По каменным ступеням застучали каблуки. Ритмичный, торопливый стук, сопровождаемый тяжелыми шагами мужских ботинок. Гранин поднял голову от лотка с кольцом. Приехали.

Тяжелая обитая дерматином дверь скрипнула на ржавых петлях, впуская в подвал тягучий сквозняк. Первым из полумрака лестничного пролета вынырнул сержант патрульно-постовой службы, придерживая тяжелую створку. За его широкой спиной, словно бесшумная тень, порог переступила женщина.

Елене Липинской было под сорок. Строгое темно-синее кашемировое пальто сидело на ней как глухая броня, застегнутая на все пуговицы. Ни грамма косметики на бледном, словно вылепленном из парафина лице. Темные волосы стянуты в тугую, геометрически идеальный узел на затылке — ни единой выбившейся пряди. Она медленно обвела взглядом облупленный желто-зеленый кафель коридора, задержалась на ржавых потеках у плинтусов, и в ее серых глазах не промелькнуло ни животного ужаса, ни отвращения, свойственного людям, впервые попавшим в царство Макара Шведова. Только ледяная, настороженная пустота.

Гранин грузно поднялся со скрипнувшего венского стула, машинально одергивая полы своего вытертого драпового пальто. — Здравствуйте. Старший следователь Следственного комитета, майор Гранин Родион Андреевич, — он коротко кивнул, специально не протягивая руки, чтобы не нарушать дистанцию. — Пройдемте со мной, Елена Викторовна.

Она молча последовала за следователем по узкому коридору. Звук ее невысоких каблучков казался приглушенным, словно вязнущим в тяжелом, спертom запахе хлорки, аммиака и застарелой махорки. Гранин толкнул хлипкую фанерную дверь и пропустил женщину в тесную комнату для опознаний. Помещение походило на холодный бетонный пенал. Вдоль единственной глухой стены тянулось широкое прямоугольное стекло, выходящее прямо в ярко освещенную секционную. Сейчас оно было плотно задернуто грязно-зелеными вертикальными жалюзи, покрытыми слоем въевшейся серой пыли.

Липинская остановилась точно в центре комнаты, не пытаясь прислониться к стене или сесть на пластиковый стул. Гранин встал чуть сбоку, у металлического пульта селекторной связи, цепко фиксируя каждое ее микродвижение. Пять лет назад в таком же бетонном пенале из-за его невнимательности к протоколу опознания за решетку отправился невинный парень, позже удавившийся на скрученной простыне в камере СИЗО. С тех пор этот рутинный этап следствия стал для Гранина персональным чистилищем. Он перестал верить слезам, истерикам и показному спокойствию, перепроверя каждую деталь.

Внешне вдова казалась монументально спокойной, почти отстраненной. Но ее руки жили отдельной, панической жизнью. Тонкие, длинные пальцы профессиональной пианистки намертво вцепились в ремешок дорогой кожаной сумки. Суставы побелели настолько, что натянутая кожа грозила лопнуть на костяшках. Грудная клетка вздымалась ровно, ритмично, однако в этом выверенном ритме сквозила жесткая математика. Она не дышала естественно — она маниакально контролировала каждую подачу кислорода в легкие, чтобы не сорваться в истерику.

— Елена Викторовна, — негромко начал Гранин, извлекая из внутреннего кармана потертый блокнот. — Процедура требует предварительного устного опроса. Мне необходимо знать особые приметы вашего супруга. Шрамы от операций, специфические татуировки, старые переломы, особенности строения зубов. Любая физиологическая деталь, которая может помочь следствию установить личность.

Липинская медленно, словно в замедленной съемке, моргнула. — Артур... мой муж практически здоров, — ее голос звучал глухо, без обертонов, но слова она чеканила с пугаю-

щей четкостью. — Никаких татуировок у него нет. В ранней юности ломал ключицу, правую, если не ошибаюсь. Зубы... обычные зубы, он регулярно посещал хорошую стоматологическую клинику в центре.

Она сделала короткую паузу, с силой сглотнув вязкую слюну. Гранин отметил, как судорожно дернулась тонкая мышца на ее шее. — Когда именно вы видели его в последний раз? — майор сделал короткую пометку, не касаясь ручкой бумаги. — Позавчера вечером. Около девятнадцати часов. Мы немного повздорили из-за его работы. — Он говорил, куда конкретно направляется на ночь глядя? — Сказал, что возникли проблемы с подрядчиками, нужно срочно выехать на строительный объект в район дамбы. Взял ключи от служебного микроавтобуса. После этого на связь ни разу не выходил. Я звонила до самого утра, автоответчик механическим голосом твердил, что абонент вне зоны действия сети.

Она говорила так гладко, будто зачитывала идеально заученный текст. Ни единой сбивчивой фразы, путаницы во временах или запинки, свойственной людям, внезапно оказавшимся в состоянии острого шока. Для женщины, чей муж предположительно превратился в обугленный кусок мяса на дне придорожного кювета, она держалась слишком собрано. Это ледяное, почти театральное самообладание царапало Гранина изнутри, вызывая глухое профессиональное раздражение, густо замешанное на подозрительности.

— Послушайте, Родион Андреевич, — Липинская чуть повернула голову, впервые за все время посмотрев следователю прямо в глаза своим холодным, немигающим взглядом. — Ваш сотрудник по телефону сказал, что машина полностью выгорела. И что внутри... нашли чье-то тело. Вы уверены, что это мой Артур? — Именно для выяснения этого факта мы вас сюда и пригласили, Елена Викторовна, — сухо, без малейших интонационных колебаний ответил Гранин. — Предупреждаю сразу, чтобы избежать эксцессов: зрелище крайне тяжелое. Длительное воздействие экстремальных температур. Тело очень сильно деформировано.

Он намеренно не стал говорить ей про полное отсутствие лица. Пусть ее реакция будет максимально чистой. Майор шагнул к стеклу и потянул за жесткий пластиковый шнур. Грязно-зеленые ламели жалюзи с сухим пластиковым щелчком развернулись на девяносто градусов, открывая панорамный вид на залитую бестеневым светом секционную. По ту сторону толстого стекла Макар Шведов в своем буром брезентовом фартуке стоял у стального стола. Заметив движение жалюзи, эксперт коротко кивнул следователю.

Гранин протянул левую руку к пульту. Его пальцы легли на холодный тумблер микрофона. В ту же секунду Шведов за стеклом ухватил двумя пальцами край плотной серой простыни, накинутой на изголовье цинкового стола, и медленно, без рывков потянул ее вниз. Гранин повернул металлический ключ селектора до щелчка и пригласил вдову взглянуть.

Елена Викторовна сделала ровно два коротких шага к пыльному стеклу. В ту же секунду по ту сторону звуконепроницаемой перегородки Макар Шведов ухватил двумя пальцами край плотной серой простыни и медленно, без единого рывка потянул ее вниз. Грубая ткань сухо зашуршала по цинковому столу, обнажая черную, спекшуюся массу, в которой лишь с огромным трудом угадывались анатомические очертания взрослого человека. Под направленным светом бестеневых хирургических ламп отчетливо выделялся лопнувший по теменному шву череп. Мягкие ткани лица полностью отсутствовали, обнажив пожелтевшие, потрескавшиеся от экстремальной температуры зубы, застывшие в жутком оскале.

Гранин не смотрел на металлический стол секционной. Он смотрел исключительно на Липинскую, цепко фиксируя каждый ее микрожест и вдох. Она задержала взгляд на обугленных останках ровно на четыре секунды. Раз, два, три, четыре. Ни судорожного хватания ртом спертого подвального воздуха, ни расширенных в первобытном ужасе зрачков, ни дрожи в коленях. Только абсолютная, почти мертвенная статика. Затем ее напряженный подбородок дернулся вниз, и она уставилась на облупленный желтый линолеум под своими кожаными сапогами, словно внезапно заинтересовавшись узором из грязных трещин.

— Я... я не могу на это смотреть, — произнесла она ровным, парадоксально лишенным сбитого дыхания голосом. В этой короткой фразе не было ни надрыва, ни подступающей истерики. Только сухая констатация факта.

Гранин молча отошел к небольшому столику у глухой стены, взял почкообразный лоток из нержавеющей стали и поставил его на край пульта селекторной связи прямо перед Липинской.

— Посмотрите на это, Елена Викторовна.

На белой, сложенной вчетверо марлевой салфетке лежало деформированное, тщательно очищенное от копоти золотое кольцо. Вдова медленно протянула левую руку. Ее тонкие пальцы, до этого намертво сжимавшие ремешок сумки, теперь мелко и часто дрожали. Эта неконтролируемая физиологическая дрожь казалась Гранину единственной живой реакцией за все время ее нахождения в бетонных стенах морга. Она осторожно подцепила кусок золота коротким бесцветным ногтем, поднесла его почти вплотную к лицу, прищурившись в тусклом свете лампы, и посмотрела на внутреннюю сторону расплавленного ободка.

— Это Артур, — сказала она. Голос внезапно окреп, срываясь в жесткую, металлическую уверенность, не оставляющую места для сомнений. — Это обручальное кольцо моего мужа. Я узнаю его.

Она небрежно бросила золото обратно на марлю, словно расплавленный металл внезапно обжег ей кожу. Лоток глухо звякнул.

— Вы абсолютно уверены? — голос Гранина прозвучал сухо и тяжело, как тупой удар лопаты о промерзшую землю. — Опознание по единичному предмету, найденному на месте происшествия, несет за собой строгие юридические последствия. Вы официально утверждаете для протокола, что останки в секционной принадлежат вашему супругу, Артуру Липинскому?

— Я утверждаю это. Гравировка, дата нашей свадьбы, инициалы. Это он.

Гранин молча развернул на пульте стандартный печатный бланк. Дешевая шариковая ручка сухо закричала по серой бумаге. «Протокол предъявления для опознания... в помещении морга... предъявлен труп неизвестного мужчины... опознающая Липинская Е.В. заявила...». Буквы ложились на строчки неровно, майор давил на стержень с избыточной силой, оставляя глубокие вмятины. В душном бетонном пенале внезапно стало невыносимо тесно. В памяти Гранина с тошнотворной, обжигающей ясностью всплыло морщинистое лицо пожилой женщины в пуховом платке, которая ровно пять лет назад сидела на точно таком же шатком стуле. «Да, товарищ следователь, это та самая родиночка на шее, я узнаю его, это он ударил ножом...». Та железобетонная, слепая уверенность стояла свободы и жизни двадцатилетнему пацану, который повесился на скрученной казенной простыне в камере СИЗО через месяц после вынесения несправедливого приговора.

Гранин резко перестал писать. Ручка замерла в воздухе в миллиметре от пустой графы «Подпись опознающего лица». Майор тяжело оперся побелевшими костяшками пальцев о пластиковую столешницу, нависая над бумагами.

— Елена Викторовна, — тихо, но жестко произнес следователь. — Я как сотрудник Следственного комитета обязан официально предупредить вас об уголовной ответственности по статье триста семь за дачу заведомо ложных показаний. Вы понимаете всю серьезность ситуации? Форма челюсти, строение черепа, рост... Вы посмотрели на обгоревшее тело ровно четыре секунды. Вы не могли разглядеть никаких физиологических деталей.

Она так и не подняла глаз. Ее взгляд скользнул мимо его усталого лица, сфокусировавшись где-то на уровне его небрежно завязанного узла галстука.

— Я видела более чем достаточно. Я прожила с этим человеком в одном доме двенадцать лет. Это мой муж. Оформляйте документы, я хочу немедленно уйти отсюда.

Гранин молча пододвинул к ней заполненный бланк протокола и протянул ручку. Липинская перехватила гладкий пластиковый корпус и быстрым, почти агрессивным, лишенным

малейших колебаний движением поставила размашистую подпись в самом низу страницы. Сухой, резкий росчерк пера разорвал вязкую тишину комнаты.

Она не стала прощаться. Круто развернулась на своих невысоких каблуках, с силой толкнула фанерную дверь и почти выбежала в спасительный полумрак коридора. Спустя мгновение тяжелая обитая грязным дерматином створка на выходе из подвала гулко хлопнула, навсегда отрезав торопливый стук ее удаляющихся шагов.

Майор остался стоять в одиночестве у пульта, мрачно глядя на свежие синие чернила в закрытом документе. Затем он медленно поднял отяжелевшую голову и посмотрел сквозь пыльное смотровое стекло прямо в секционную. Макар Шведов так и не накинуд серую простыню обратно. Старый судмедэксперт стоял совершенно неподвижно, низко склонившись над левой половиной металлического стола. С напряженным, тяжелым профессиональным вниманием он рассматривал обугленную левую кисть мертвеца — ту самую, с которой два часа назад молодой опер Кисляк снял оплавленное золотое кольцо. Его узловатые артритные пальцы в свежих белых латексных перчатках с помощью длинного анатомического пинцета предельно осторожно поворачивали черную, лишенную мышечной ткани конечность, пересчитывая сохранившиеся обгорелые фаланги пальцев, словно старик пытался прочитать на почерневших костях скрытый невидимый текст.

Гранин молча сложил подписанный протокол пополам по ровной линии, сунул его в потертую картонную папку для бумаг и привычным механическим жестом застегнул верхнюю пуговицу своего вытертого драпового пальто.

Он вышел из здания морга на улицу. Над портовым городом медленно занималось серое, беспросветное ноябрьское утро. Пронизывающий ледяной ветер с залива с силой швырял в лицо колючую ледяную крошку, густо перемешанную с тяжелым мокрым снегом. Следователь достал из глубокого кармана изрядно смятую пачку, вытащил зубами дешевую сигарету без фильтра и чиркнул деревянной спичкой о влажный коробок. Серная головка сухо треснула и ярко вспыхнула с первого раза, на короткое мгновение осветив глубокие, темные тени под его воспаленными бессонницей глазами.

Глава 3. Дом на набережной

Дворники старого служебного «Форда» с натужным скрипом размазывали по лобовому стеклу грязную водяную взвесь. Движение на бетонной портовой эстакаде встало намертво. Гранин отпустил тугую педаль сцепления, перевел рычаг коробки передач в нейтраль и откинулся на продавленную спинку сиденья. В приоткрытое окно потянуло сквозняком, несущим едкий запах влажной угольной пыли, солянки и гниющих водорослей. С эстакады открывался вид на залив — свинцово-серый, исполосованный рябью и маслянистыми разводами. На рейде замерли ржавые силуэты барж и сухогрузов. Островск переваривал металл, лес и бетон в жерлах грузовых терминалов, выплевывая газы в низкое, затянутое пеленой ноябрьское небо.

На пассажирском сиденье сержант Денис Кисляк ритмично водил пальцем по экрану служебного планшета. Синеватое свечение дисплея отражалось в его очках. — Артур Липинский, сорок пять лет, — зачитывал Кисляк. — В должности главного архитектора города — шесть лет. Но самое интересное начинается три года назад. Он становится куратором генплана реконструкции южного пирса и глубоководного мола. Гранин достал из пачки сигарету, покрутил ее в загрубевших пальцах, но прикуривать не стал, просто зажал фильтр зубами. — И какие там цифры? — глухо спросил он сквозь зубы. — Астрономические, Родион Андреич. Сметы на миллиарды. Федеральное финансирование плюс частные инвестиции. Все финансовые потоки на бетон, гидроизоляцию, дноуглубительные работы согласовывались через его управление. Я сейчас пробиваю его цифровой след. Запросы по банкам, детализация звонков, биллинг сотовых вышек за последнюю неделю. Уверен, если копнуть его электронные транзакции, мы найдем мотив быстрее, чем вы вытрясете его из старых бумажек. Гранин криво усмехнулся, выплюнув сигарету на ладонь. — Электронные транзакции, — передразнил он, выжимая сцепление, когда колонна фур впереди наконец дернулась с места. — Ты, Денис, слишком веришь своим базам данных. Вся эта твоя биг-дата красиво выглядит только на чистом экране. А людей убивают не цифры. Людей убивают монтировкой по затылку или сжигают заживо в кювете. И делают это руками, оставляя грязь под ногтями. Твой цифровой след не пахнет порохом и бензином.

«Форд» сполз с эстакады, миновал лабиринт складов и вырулил на проспект, ведущий в исторический центр Островска. Индустриальная язва промзоны сменялась иной реальностью. Набережная адмирала Лазарева встречала Гранина монументальными фасадами сталинского ампира. Здесь, за чугунными решетками и рядами лип, обитали те, кто кормился с портовых контрактов. Тяжелая лепнина, гранитные цоколи и глухие арки дворов резко контрастировали с панельной нищетой окраин. Дом номер восемь — пятиэтажное здание желтого цвета с эркерами и барельефами в виде якорей — возвышался над водами канала, словно неприступная крепость.

Следователь круто вывернул руль в подворотню и затормозил. Колеса «Форда» плюхнулись в лужу у арки. Гранин заглушил двигатель. — Постановление на обыск у тебя? — тихо спросил он. — Так точно, — Кисляк спрятал планшет и выбрался наружу. Они прошли под гулким сводом арки и оказались в закрытом внутреннем дворе, где стояли дорогие внедорожники. Подъезд охраняла дубовая дверь с камерой видеонаблюдения. Гранин набрал код. Магнитная защелка отпустила металл. Майор и сержант вошли в просторное парадное, пропахшее дорогой мастикой и сухой штукатуркой, и начали подъем по широкой мраморной лестнице. Шаги отдавались гулким эхом. Четвертый этаж встретил их тишиной и запахом кофе. Площадка была рассчитана всего на две квартиры. Возле стальной двери с номером тридцать два топтался участковый. — Гранин, Следственный комитет, — майор коротко показал красное удостоверение. Участковый кивнул и повернул дверную ручку. Массивная створка бесшумно отворилась. Гранин шагнул вперед, оставляя мокрые следы на пороге, и опустил подошву тяже-

лого ботинка на безупречно отполированный, тщательно выложенный сложным геометрическим узором дорогой дубовый паркет просторной прихожей.

Прихожая встретила Гранина звенящей, почти музейной тишиной. Воздух здесь был тяжелым, пропитанным запахами дорогой мебели, полироли, свежемолотого кофе и едва уловимого, холодного женского парфюма. Пространство квартиры подавляло масштабом: четырехметровые потолки с лепными карнизами, массивные двери из тонированного дуба, минималистичная финская мебель с кожаной обивкой. На широких стеллажах идеальными рядами выстроились альбомы по урбанистике, архитектурные справочники на английском языке и свернутые в тубусы кальки с чертежами генпланов. Все лежало строго на своих местах. Стерильная, пугающая чистота. Здесь не было хаоса, свойственного жилищу человека, который в спешке срывается в ночь навстречу собственной смерти.

— Денис, — негромко сказал Гранин, не оборачиваясь, снимая пальто и бросая его на пуфик у входа. — Начни с ванной комнаты и гардеробной. Ищи базовые маркеры. Дорожная сумка, бритвенный прибор, зубная щетка, сменное белье. Теплая верхняя одежда.

Кисляк кивнул, натягивая латексные перчатки, и бесшумно скрылся за матовой стеклянной дверью в конце коридора. Гранин, надев такие же перчатки, толкнул тяжелую дубовую створку, ведущую в кабинет Липинского.

Кабинет оказался огромным, угловым, с двумя высокими окнами, выходящими на свинцовые воды канала. Центральное место занимал массивный стол из черного дерева, заваленный синьками и сметами. Системный блок компьютера отсутствовал — на его месте сиротливо болтались оборванные кабели питания.

— Отдел «К» уже отработал, — пробормотал Гранин, методично выдвигая ящики стола.

Пусто. Идеальный порядок. Ни одной лишней бумажки, ни обрывков черновиков, ни крошек. Только канцелярские принадлежности, аккуратно разложенные по лоткам. Следователь обошел стол, его тяжелый взгляд скользнул по стенам. Слева от окна, прямо над кожаным диваном, висела массивная картина в темной деревянной раме — штормовой морской пейзаж, написанный густым маслом. Взгляд Гранина зацепился за неестественный зазор между рамой и дорогими обоями, покрытыми шелкографией. Рама висела криво, миллиметра на три отклоняясь от идеальной горизонтали, а на обоях внизу осталась едва заметная полоса потертости от частого сдвигания.

Майор шагнул к дивану, ухватился за край тяжелой рамы и потянул на себя. Картина легко откинулась на скрытых петлях, обнажив серую металлическую дверцу встроенного в кирпичную кладку сейфа.

Дверца была приоткрыта. Гранин, стараясь не касаться гладкой поверхности металла, заглянул в узкую щель. Ни следов грубого взлома, ни царапин на личине замка от отмычек, ни следов термического воздействия. Код был набран вручную человеком, который его знал, либо вводил под дулом пистолета.

Следователь кончиком ручки подцепил дверцу и распахнул ее настежь. Луч фонарика, извлеченного из кармана, скользнул по пустым металлическим полкам. Внутри не было ничего. Ни пачек наличности, которые неизбежно водятся у чиновников такого ранга, ни папок с документами на недвижимость или ценные бумаги, ни ювелирных украшений. Сейф был выпотрошен дочиста, до последней бумажки.

Гранин перевел луч на нижнюю полку. Там сиротливо лежал пустой кожаный холдер — прямоугольная папка из мягкой телячьей кожи, предназначенная для хранения проездных документов. Следователь аккуратно извлек его пинцетом. На бархатистой внутренней поверхности четко отпечатались два прямоугольных контура — следы от заграничных паспортов. Майор нахмурился. У чиновника, работающего с генпланами и закрытыми портовыми объектами, первый паспорт должен был храниться в сейфе ФСБ. А здесь хранилось два, и оба теперь исчезли.

— Родион Андреич! — голос Кисляка из коридора заставил Гранина поднять голову.

Сержант стоял на пороге кабинета, держа в пинцете влажный, смятый клочок плотной бумаги. — В ванной нет дорожной несессеры, — доложил Кисляк, подходя ближе. — Зубная щетка, бритва, увлажняющий крем, таблетки от изжоги — все исчезло. В гардеробе висят пять осенних пальто, но нет теплого штормового анорака и трекинговых ботинок на жесткой подошве. Вдова сказала, он уехал в служебном пиджаке, но по факту он оделся как на полярную зимовку. А вот это я достал из мусорного ведра под раковиной.

Он протянул Гранину клочок бумаги. Это был оторванный угол бланка с синей печатью. На уцелевшем фрагменте четко читалось слово: «...Морское агентство» и дата, датированная позавчерашним днем — днем исчезновения.

Гранин взял клочок пинцетом. Архитектор, отвечающий за миллиардные стройки, выпо-тросил сейф, забрал загранпаспорта, оделся в непромокаемую штормовку и связался с мор-ским агентством. Это не было похоже на внезапное похищение или бытовую разборку на стройке. Липинский готовился к отъезду. Планомерно и заранее.

Тишину огромной квартиры внезапно разорвал резкий, требовательный звонок домо-фона. Звук эхом отскочил от высоких потолков. Гранин и Кисляк одновременно обернулись к выходу из кабинета. В прихожей скрипнули петли входной двери, которую открыл дежурив-ший там участковый, и в образовавшуюся щель ворвался уверенный, густой басовитый голос, от которого задрожали стекла в книжных шкафах.

Гранин быстрым шагом вышел из кабинета, на ходу пряча пустой холдер для паспортов во внутренний карман пальто. В просторной прихожей, оттеснив молодого участкового к стене, стоял мужчина. Ему было под пятьдесят. Коренастая, плотно сбитая фигура бывшего тяжело-веса угадывалась даже под идеальным кроем дорогого пальто из верблюжьей шерсти. Широкие плечи, массивная шея, переходящая в круглую голову с короткой стрижкой с проседью. На его лице, изуродованном когда-то в ринге старым переломом переносицы, играла вежливая, но абсолютно лишенная теплоты улыбка. Глаза же оставались ледяными и неподвижными, как у рептилии, оценивающей дистанцию до броска.

Это был Виктор Смирнов. Владелец корпорации «СеверСтройПорт», генеральный под-рядчик реконструкции южного пирса, человек, которому принадлежала половина строитель-ного бизнеса Островска и, по слухам, треть городской думы.

— Доброе утро, товарищи офицеры, — густым, рокошущим басом произнес Смирнов, не делая попытки снять пальто. Он медленно стянул с правой руки тонкую кожаную перчатку, обнажив массивную золотую печатку на безымянном пальце, и сделал шаг навстречу Гранину. — Виктор Смирнов. Я был близким другом и, скажем так, стратегическим партнером покой-ного Артура Геннадьевича. Ужасная, нелепая трагедия. Приехал лично выразить глубочайшие соболезнования Елене Викторовне. Она дома?

— Майор юстиции Гранин, Следственный комитет, — Гранин остановился в двух мет-рах от Смирнова, сложив руки на груди. Взгляд следователя был тяжелым, лишенным малей-шего намека на ответную любезность. — Елена Викторовна в данный момент отсутствует. А данное помещение является местом проведения следственных действий. Вы находитесь здесь незаконно, гражданин Смирнов.

Улыбка на лице Смирнова стала на миллиметр шире. Он небрежно покрутил золотую печатку на пальце, словно разминая сустав. — Понимаю вашу работу, майор. Протоколы, инструкции. Я человек бизнеса, тоже люблю порядок. Собственно, я здесь не только ради собо-лезнований. У Артура Геннадьевича в кабинете остались рабочие чертежи по нашему совмест-ному проекту портовой дамбы. Там сроки горят, федеральный транш висит на волоске. Я бы хотел забрать документацию. Это чисто технические бумаги, к делу они отношения не имеют.

— К делу имеет отношение всё, что находится в этой квартире, — отрезал Гранин. Его голос звучал ровно, но в нем прорезался стальной скрежет, от которого участковый у стены

нервно сглотнул. — Любые документы, чертежи, электронные носители будут изъяты, описаны и приобщены к материалам уголовного дела. Если вашей компании требуются копии, вы можете подать официальное ходатайство на имя руководителя следственного управления.

Смирнов перестал крутить печатку. Его тяжелый, немигающий взгляд буравил Гранина. В воздухе прихожей, пропитанном запахом полироли, внезапно повисло густое, осязаемое напряжение. — Майор, — бас Смирнова упал на полтона, приобретя опасную бархатистость. — Я же по-человечески прошу. Зачем эти бюрократические препоны? Мы с вашим начальником управления, генералом Бабичем, вчера вечером в бане обсуждали этот проект. Он прекрасно понимает важность непрерывного строительного процесса. Один звонок, и мы решим этот вопрос без лишней бумажной волокиты. Вы же опытный сотрудник, должны понимать, как дела делаются.

— Как дела делаются в бане — меня не касается, — Гранин шагнул вперед, сокращая дистанцию так, что оказался почти вплотную к подрядчику. Он смотрел прямо в холодные глаза Смирнова, не моргая и не отводя взгляда. — А здесь, в рамках статьи сто восемьдесят второй Уголовно-процессуального кодекса, дела делаются исключительно по закону. Квартира опечатывается. Посторонним вход воспрещен. Покиньте помещение. Немедленно.

На секунду в глазах бывшего боксера мелькнула откровенная ярость, но он быстро взял себя в руки. Улыбка вернулась на его лицо, став еще более пластиковой. — Принципиальность — редкое качество в наше время, майор, — Смирнов медленно натянул перчатку обратно. — Уважаю. Хорошо, подождем ходатайства.

Он сунул руку во внутренний карман пальто, достал плотную белую визитку с тисненым золотым логотипом «СеверСтройПорта» и небрежно бросил ее на полированный столик у зеркала. — Если у следствия возникнут вопросы касательно рабочих контактов Артура Геннадьевича — мой телефон всегда включен. Мы, строители, за прозрачность расследования. Всего доброго, товарищи.

Смирнов круто развернулся и вышел на лестничную клетку. Участковый торопливо захлопнул за ним дубовую дверь. Гранин не сдвинулся с места. Он подождал, пока гулкие шаги на мраморной лестнице затихнут, затем прошел в гостиную и подошел к огромному арочному окну.

Внизу, на залитой дождем набережной, прямо на тротуаре, грубо нарушая правила парковки, стоял массивный черный бронированный внедорожник с тонированными стеклами. Смирнов вышел из-под арки, сел на заднее сиденье. Дверь захлопнулась. Машина резко сорвалась с места, взметнув из-под широких колес веер грязной воды, и быстро растворилась в серой ноябрьской мороси, направляясь в сторону портовой зоны.

Глава 4. Протокол сомнений

Свинец ноябрьского неба давил на крышу управления. На настенных часах в пустом коридоре следственного отдела щелкнула минутная стрелка: 08:30. Гранин стряхнул мокрую снежную крошку с драпового воротника и потянулся к замку своего кабинета, когда во внутреннем кармане завибрировал мобильный телефон. На треснувшем экране высветился номер Макара Шведова.

— Бросай свои бумажки, Родя, — без предисловий прохрипел старый судмедэксперт. На заднем фоне монотонно визжал какой-то высокооборотистый инструмент. — Дуй ко мне. И желательно так, чтобы лысый Бабич не видел. У меня тут для тебя сюрприз из печки.

Двадцать минут спустя Гранин снова спускался по выщербленным каменным ступеням в подвал городского бюро судебно-медицинской экспертизы. Тяжелая дверь поддавалась с протяжным скрипом. Привычный запах хлорки и формалина сегодня перебивался гораздо более едким ароматом. В спертom воздухе висела густая, оседающая на языке костная гарь.

Макар Шведов стоял в дальнем углу секционной, ссутулившись над стальным рабочим столом, встроенным прямо под раструб промышленной вытяжки. На нем был тяжелый, заляпанный желтоватыми пятнами резиновый фартук, надетый поверх синей хирургической робы, и прозрачный защитный щиток. В руках эксперт крепко держал компактную дисковую пилу, с визгом вгрызающуюся в почерневший фрагмент человеческой челюсти. Визг фрезы, срезающей кальцинированную кость, бил по барабанным перепонкам.

Заметив следователя, Шведов отпустил гашетку. Пронзительный звук сменился затухающим гудением. В секционной повисла вязкая тишина, нарушаемая только натужным воем вытяжки, засасывающей облако серой пыли. Эксперт стянул защитный пластик с лица и вытер вспотевший лоб тыльной стороной предплечья.

— Полюбуйся на эту красоту, — Шведов кивнул в сторону негатоскопа, вмонтированного в стену.

Гранин подошел ближе. На ярком светящемся прямоугольнике висел свежий макроснимок. Черно-белый рентгеновский контраст демонстрировал ряд зубов, деформированных экстремальной температурой.

— И что я должен здесь увидеть? — майор прищурился, вглядываясь в серые пятна. — Зубы как зубы. Ты же сам вчера говорил, что эмаль сильно потрескалась от жара.

Шведов тяжело вздохнул, взял со стола длинный анатомический пинцет и с сухим стуком ткнул металлическим концом прямо в центр макроснимка, указывая на массивные затемнения в области боковых моляров нижней челюсти.

— Это, Родя, не просто зубы, — ворчливо произнес эксперт. — Это чертова капсула времени. Видишь вот эти белые кляксы на седьмом и восьмом зубах? Это пломбы. Грубая амальгама советского образца. С щедрой примесью ртути и серебра. Такую дрянь перестали замешивать в приличных клиниках еще в конце девяностых.

Гранин нахмурился, переводя взгляд на усталое, изрезанное глубокими морщинами лицо старого патологоанатома.

— Допустим. Амальгама. Дальше что?

— А дальше — больше, — Шведов сдвинул острие пинцета чуть правее, указывая на странную конструкцию. — Вот это — никелевый мост. Штамповка с кустарной пайкой. Дешевый металл, который быстро окисляется во рту и дает привкус старой батареек. Работа топорная, словно ее пьяный слесарь в гараже ковал.

До Гранина начало доходить. Он отчетливо вспомнил просторную квартиру Липинских с четырехметровыми потолками, финскую мебель, кожаные диваны, альбомы по урбанистике

и встроенный сейф. Он вспомнил холеную, надменную вдову в дорогом кашемировом пальто, которая даже не моргнула, ставя подпись под протоколом.

— Липинский — главный архитектор Островска, — медленно произнес майор, чувствуя, как внутри зарождается холодная пульсация. — Человек, сидевший на миллиардных подрядах реконструкции мола.

— Вот именно, — удовлетворенно хмыкнул Шведов, бросая пинцет в лоток из нержавеющей стали. — У таких людей во рту стоят швейцарские керамические импланты. Они не носят никелевые коронки, сваренные в кооперативе на закате перестройки, и не штопают моляры токсичной ртутной амальгамой. Эта челюсть, майор, никогда не жевала рябчиков. Это челюсть работяги с завода или маргинала, который последний раз был у стоматолога еще при Ельцине.

Гранин молчал, неотрывно глядя на светящийся экран негатоскопа. Картинка, которая так упорно складывалась у начальства — трагическая гибель проворовавшегося чиновника в огне автокатастрофы — только что треснула пополам и осыпалась серым пеплом. Вдова солгала. Солгала сознательно, хладнокровно, глядя прямо на обугленные кости чужого человека и кольцо с гравировкой. Опознание было абсолютным фарсом. Липинский мертв только на бумаге. А на металлическом столе под гудящей вытяжкой лежал совершенно другой человек. Неизвестный, которого кто-то опоил, передел, надел ему на палец обручальное кольцо архитектора и заживо сжег в микроавтобусе на четырнадцатом километре.

Майор резко развернулся. Он сунул руку в глубокий карман вытертого драпового пальто, нащупал холодный корпус мобильного телефона и вытащил его наружу. Ему не нужно было возвращаться в управление за ордером. Он должен был немедленно, прямо сейчас истребовать оригиналы стоматологической медицинской карты настоящего Артура Липинского из его частной клиники.

Гранин вышел из прозекторской в холодный подвальный коридор. Дверь захлопнулась, отсекая визг дисковой пилы. Майор нажал кнопку вызова на мобильном телефоне, прижал аппарат к уху и, не сбавляя шага, направился к выходу. Гудки тянулись долго, пока на том конце наконец не щелкнуло.

— Слушаю, Родион Андреич, — голос сержанта Кисляка звучал бодро, на фоне шумела улица. — Денис, где ты? — отрывисто бросил Гранин, поднимаясь по выщербленным ступеням. — В управлении. Пробиваю биллинги Липинского, как вы и... — Бросай биллинги. Бери бланки постановлений о выемке, дуй в канцелярию, пусть шлепнут печать. Адрес: клиника «Норд-Дент», на проспекте Metallургов. У них должен быть архив на Артура Липинского за последние семь лет. — Клиника? Стоматология? — в голосе сержанта прорезалось недоумение. — А что ищем? — Ищем всё. Ортопантомограммы, прицельные снимки, выписки из медицинских карт, чеки, договоры. Любую бумажку с его фамилией. Изъять оригиналы. Если будут кочевряжиться, пригрози статьей за воспрепятствование следствию. И давай бегом. Я жду тебя на набережной у старого дока.

Гранин сбросил вызов, вышел на улицу и поежился. Ветер с залива пробирал до костей. Он сел в служебный «Форд», завел двигатель и включил печку на максимум. Припарковавшись у гранитного парапета набережной, майор опустил стекло. В салон ворвался запах йода, гниющих водорослей и мазута. Внизу, за парапетом, тяжело ворочалась свинцовая вода. Гранин смотрел на ржавые баржи на рейде и курил одну за другой, стряхивая пепел прямо на мокрый асфальт. Мысли крутились вокруг обугленной челюсти с дешевой амальгамой и ледяного взгляда Елены Липинской. Вдова сознательно отправила под землю чужого человека. Зачем? Скрывала убийство мужа? Или помогала ему инсценировать смерть?

Ожидание затянулось. Кисляк появился только через два с половиной часа. Сержант плюхнулся на пассажирское сиденье, отряхивая куртку от мокрого снега, и бросил на торпеду пухлый запечатанный пластиковый конверт с синей печатью клиники на клапане. — Готово, — выдохнул Кисляк, поправляя очки. — Администраторша долго упиралась, грозила адвокатом,

но как только я показал постановление на выемку, главврач сам всё вынес. У них Липинский проходил по категории ВИП-клиентов.

Гранин молча завел машину. До следственного отдела они доехали без единого слова. Поднявшись на третий этаж, майор запер дверь своего кабинета на ключ, прошел к рабочему столу и включил плоский световой планшет для работы с вещдоками. Сержант аккуратно вскрыл пластиковый конверт скальпелем. На стекло легли несколько глянцевых листов плотной бумаги и два больших темных прямоугольника рентгеновской пленки — панорамные снимки челюстей. ОПТГ.

Свет планшета просветил пленку, обнажив идеальные, контрастные ряды зубов. Гранин склонился над снимками. В верхнем правом углу стояла дата: «14.05.2023. Пациент: Липинский А.Г.».

— Ну-ка, почитай выписку, — не отрывая взгляда от пленки, приказал майор.

Кисляк зашуршал бумагами. — Так. Липинский Артур Геннадьевич. Комплексное протезирование. Установлено шесть титановых имплантов системы Straumann. В верхней челюсти — три, в нижней — три. Коронки — диоксид циркония. Стоимость комплекса работ... — сержант осекся и присвистнул. — Три миллиона двести тысяч рублей.

Гранин водил кончиком простого карандаша по светящейся пленке. На рентгене четко просматривались ровные, цилиндрические штифты имплантов, вживленные в костную ткань. Никакой советской амальгамы. Никаких никелевых мостов с кустарной пайкой. Идеальная, дорогостоящая работа швейцарских стоматологов.

Контраст между этой высокотехнологичной роскошью, стоившей как неплохая квартира на окраине Островска, и той нищей, отравленной ртутью челюстью из сгоревшего «Соболя» был настолько разительным, что не оставлял места для двойных трактовок. В фургоне сгорел не Липинский. Там сгорел человек из другого социального слоя, другой эпохи, человек, который не мог позволить себе даже нормальную пломбу.

В коридоре слышались тяжелые, шаркающие шаги. В дверь кабинета коротко стукнули, и, не дожидаясь ответа, на пороге появился Макар Шведов. Он уже снял свой окровавленный фартук и теперь кутался в старый вязаный кардиган, держа в руке пластиковый стаканчик с чем-то горячим.

Гранин взял карандаш, обвел на панорамном снимке ровный ряд титановых штифтов, подчеркнув абсолютное несоответствие с тем, что эксперт видел утром в морге, и молча положил снимок на край стола прямо перед подошедшим патологоанатомом.

Шведов медленно поставил пластиковый стаканчик с чаем на край стола, сдвинул на кончик носа свои массивные очки и склонился над световым планшетом. Гранин вытащил из нагрудного кармана бумажный конверт, извлек из него макроснимок, сделанный экспертом утром в прозекторской, и положил его рядом с панорамным рентгеном из «Норд-Дента».

Два изображения легли на светящееся стекло, как доказательства из разных миров.

— Ну, что я тебе говорил, Родя? — прохрипел Шведов, водя кривым артритным пальцем от одного снимка к другому. — Смотри сюда. На рентгене из клиники — плотная костная ткань альвеолярного отростка. Идеально сформированное ложе под титановые штифты. Швейцарская ювелирка. А теперь смотри на мою утреннюю фотографию.

Он постучал ногтем по макроснимку обугленной челюсти. — Видишь, как осела десна вокруг корней? Это запущенный пародонтоз. Хронический, многолетний. Костная ткань деградировала, зубы шатались еще при жизни. Я уж не говорю про амальгаму и этот кустарный никелевый мост. Этот бедолага в фургоне никогда не видел стоматолога, который бы ставил импланты. Он лечил зубы в районной поликлинике в лучшем случае лет тридцать назад. В машине сгорел не Липинский.

Кисляк, стоявший за спиной Гранина, шумно выдохнул, словно ему внезапно не хватило воздуха. — Кто тогда в морге? — сержант снял очки и начал нервно протирать их подолом свитера. — И где сам архитектор? Если вдова его опознала, значит...

— Значит, она солгала, — Гранин тяжело опустился в кресло, глядя на светящиеся прямоугольники. — Сознательно, под протокол, зная, что в секционной лежит кусок угля. Она посмотрела на кольцо и сразу сказала «да». Ей нужен был официальный труп Липинского. И кому-то еще он тоже был очень нужен.

За окном кабинета потемнело. Ноябрьский ливень усилился, превращаясь в сплошную стену ледяной воды, которая с силой хлестала по стеклу, заглушая гул машин на проспекте. Ветер завывал в щелях старых оконных рам, принося в кабинет сквозняк, пахнущий озоном и мокрой пылью.

Гранин перевел тяжелый взгляд на судмедэксперта. — Макар. Мне нужен официальный акт экспертизы. С твоей подписью и синей печатью. Прямо сейчас. Сопоставление дентальных карт. Вывод: останки, извлеченные из сгоревшего микроавтобуса, не принадлежат гражданину Липинскому Артуру Геннадьевичу.

Шведов нахмурился, потирая небритый подбородок. — Родя, ты понимаешь, во что мы лезем? Если я выдам официальную бумагу, ты обязан немедленно возбудить сто пятую — умышленное убийство неустановленного лица. Плюс инсценировка. Плюс дача ложных показаний вдовой. А начальство хочет закрыть это дело как несчастный случай. Бабиш мне вчера вечером звонил, интересовался, скоро ли я выдам справку о смерти от термических ожогов.

— Справки не будет, — отрезал Гранин. Его голос лязгнул металлом. — Пиши акт. И вот еще что. В электронную базу данных судебно-медицинской экспертизы результаты пока не вноси. Вообще ничего не вноси. Ни макроснимки, ни описание. Оставь всё на бумаге. Пока я не поговорю с руководством, этот факт должен существовать только в пределах моего кабинета.

Шведов молча кивнул. Он знал Гранина слишком давно, чтобы спорить, когда у следователя появлялся этот немигающий, свинцовый взгляд. Эксперт забрал свой чай, развернулся и, шаркая, вышел в коридор.

Гранин сгреб снимки со светового планшета. Швейцарские импланты и советская амальгама. Он сложил их вместе, сунул в плотную картонную папку с надписью «Дело № 441» и открыл дверцу тяжелого металлического сейфа, вмонтированного в стену рядом со столом. Внутри пахло старой бумагой и оружейной смазкой. Майор положил папку на среднюю полку, захлопнул стальную дверцу и дважды повернул ключ. Глухой щелчок замка прозвучал в тишине кабинета, как выстрел.

Дело о пьяном ДТП и сгоревшем фургоне только что рухнуло. На его месте зияла черная дыра, из которой тянуло трупным ядом, миллиардными сметами и чьей-то расчетливой, холодной ложью. Вдова, кольцо, выпотрошенный сейф, исчезнувшие паспорта. Архитектор готовился к побегу. Но вместо него в огне сторел безымянный бродяга с запущенным пародонтозом.

Майор бросил связку ключей на стол и потянулся к пачке сигарет, когда тишину разорвал резкий, противный зуммер внутреннего селектора. На пластиковом корпусе аппарата замигала красная лампочка с надписью «Начальник отдела». Гранин нажал тугую кнопку связи.

— Гранин, — раздался из динамика хриплый, раздраженный рык полковника Бабиша. — Какого черта ты там копаешься? Ко мне на ковер. Живо. И материалы по Липинскому прихвати. Вдова звонила, жалуется, что тело не отдадут. Давай бегом.

Гранин убрал палец с кнопки связи. Красный огонек погас. Майор посмотрел на запертый сейф, поправил сбившийся узел галстука, взял со стола чистый блокнот и шагнул к двери.

Глава 5. Тень на косе

Кабинет начальника следственного отдела встретил Гранина спертым, почти осязаемо тяжелым воздухом, в котором густо пластались сизые слои застарелого табачного дыма. Окно было наглухо закрыто, несмотря на работающую на полную мощность чугунную батарею. На стене, прямо над массивным кожаным креслом, висел обязательный портрет президента, по бокам от которого теснились ровные ряды ведомственных грамот в дешевых рамках под стекло. Толстая ковровая дорожка гасила шаги, отчего напряженная тишина казалась вязкой и давящей. Полковник Бабич, грузный, обрюзгший чиновник от следствия, которому оставался ровно год до почетной пенсии, сидел за своим столом-аэродромом, тяжело и с присвистом втягивая воздух. Его багровое, покрытое сеткой лопнувших капилляров лицо блестело от нездоровой испарины. В массивной хрустальной пепельнице медленно тлел очередной смятый окурок «Беломора», добавляя в атмосферу кабинета едкую горечь жженой бумаги.

— Ты издеваешься надо мной, Родион? — просипел Бабич. Он с силой ударил пухлой ладонью по стопке отказных материалов, отчего вверх взметнулось облачко серой пыли. — Я тебя русским языком спрашиваю, какого лешего ты тянешь с постановлением? Вдова тело официально опознала. Протокол подписан без единого замечания. Машина его, кольцо его, баба его. Напился, заснул с непотушенной сигаретой, сгорел по пьяни. Типичный несчастный случай. Закрывай этот чертов материал и выдавай разрешение на захоронение, пока они мне весь телефон не оборвали.

Гранин остановился ровно посередине кабинета, не расстегивая вытертого драпового пальто. — Это не несчастный случай, товарищ полковник. И в морге лежит не Липинский.

Бабич замер. Его заплывшие глазки сузились в две колючие щели. — Что ты несешь? Опять конспирологию разводишь? Гранин, у меня через три дня комиссия из Москвы прибывает. Генеральная прокуратура и контрольное управление. Они едут с проверкой федерального транша по стройке дамбы. Миллиарды рублей, Родион! И куратор этой стройки внезапно превращается в обугленный кусок мяса. Мне здесь не нужны висяки по сто пятой статье. Мне не нужны скандалы с мертвыми чиновниками. Нам нужна тишина, закрытый протокол и спокойный отчет.

Гранин молча подошел к столу. Вынул из картонной папки сложенный вдвое лист бумаги — предварительное заключение Шведова — и аккуратно положил его на полированную столешницу. — Почитайте. Сопоставление дентальных карт. У Липинского стояли швейцарские титановые импланты за три миллиона рублей. А у жмура в фургоне — советская ртутная амальгама и дешевый никелевый мост. В машине сгорел совершенно другой человек. Кто-то надел ему на палец золотое кольцо архитектора и поджег. Елена Липинская хладнокровно лжесвидетельствовала на опознании, глядя прямо на чужие кости. Это умышленное убийство неустановленного лица и тщательно спланированная инсценировка.

Бабич опустил взгляд на бумагу. Несколько секунд он вчитывался в сухие строчки судмедэксперта, и с каждой секундой его лицо наливалось угрожающим, почти черным оттенком. Внезапно он скомкал документ и с яростной силой швырнул его в лицо следователю. Смятый комок ударился о грудь Гранина и отлетел на ворс ковра.

— Ты совсем берега попутал?! — рывкнул полковник так, что задребезжало стекло в рамках. Одышка исчезла, уступив место неприкрытой аппаратной ярости. — Какая амальгама?! Какой, к черту, другой человек?! Ты кому эту туфту пихаешь, майор? Шведову твоему давно на пенсию пора, он уже свои артритные пальцы от чужих ребер не отличает, а ты и рад любую писульку подхватить и раздуть до небес!

Бабич тяжело поднялся, опираясь пухлыми кулаками о столешницу. — Я знаю, что с тобой происходит. Пять лет назад ты вот так же докопался до истины, помнишь? Как ты про-

токол опознания тогда прошляпил, а невинный пацан потом в камере на казенной простыне вздернулся! Ты теперь в каждой окурке видишь подлог, в каждой бабе — расчетливую убийцу. Паранойя тебя сожрет, Гранин! Хочешь еще один труп на свою покалеченную совесть повесить? Вдова в шоке, она мужа потеряла, а ты из нее соучастницу лепишь!

Гранин не дрогнул. Он смотрел на начальника тяжелым, свинцовым взглядом. Жестокие слова про повесившегося парня ударили под дых, больно полоснули по старым шрамам, но майор лишь чуть сильнее сжал челюсти, отчего на скулах заходили желваки. Ни один мускул на его лице не выдал внутренней боли.

— Опознание — стопроцентный фарс, — ровным, лишенным эмоций голосом повторил Гранин. — Я не подпишу постановление о закрытии проверки.

— Пошел вон, — прошипел Бабич, тяжело оседая обратно в глубокое кресло и хватаясь за грудь. — Я сам дело закрою. А ты с завтрашнего дня пойдешь в отпуск. Нервы лечить.

Гранин медленно наклонился, поднял с ковра скомканный лист экспертизы и предельно аккуратно расправил его жесткими пальцами. Положил обратно в папку. Он круто развернулся, решительно шагнул к выходу и с силой распахнул массивную дверь. В гулком коридоре управления навстречу ему торопливо шагал сержант Кисляк с пухлой пачкой распечаток. Майор перехватил его растерянный взгляд и коротким жестом поманил молодого опера за собой на улицу.

Ледяной ливень ударил по плечам, стоило им перешагнуть порог управления. Гранин и Кисляк торопливо спустились по гранитным ступеням, нырнули в сырое нутро служебного «Форда» и одновременно захлопнули двери, отсекая гул непогоды. Вода мгновенно залила лобовое стекло сплошным мутным потоком. Майор провернул ключ зажигания, включил печку на полную мощность и молча уставился на расплывающиеся в дожде огни проспекта.

— Что Бабич? — осторожно спросил сержант, протирая запотевшие линзы очков подолом свитера. — Бабич приказал закрыть дело как несчастный случай и с завтрашнего дня отправил меня в отпуск, — сухо ответил Гранин, вырываясь с парковки на проезжую часть. — Так что с этой минуты мы работаем полностью неофициально. Никаких рапортов. Никакой поддержки управления. Если боишься получить строгий выговор и вылететь со службы — выходи прямо сейчас, я не обижусь.

Кисляк нахмурился, спрятал очки в карман и решительно пристегнул ремень безопасности: — Жмите на газ, Родион Андреич. Куда едем? — На южную косу порта. К браконьерам.

Южная коса порта встретила их глухой индустриальной разрухой. Здесь заканчивалась юрисдикция официальной таможни и начиналась серая зона. Старые судоремонтные мастерские зияли выбитыми окнами, полузатопленные ржавые баржи угрожающе кренились у бетонных причалов, оцетинившихся гнилой арматурой. Воздух был тяжелым, маслянистым. Он насквозь пропитался вьедливой вонью разлитого мазута, перегоревшего дизеля, влажного железа и гниющей морской капусты. Ветер с залива гнал по лужам радужные бензиновые пятна, бросая в лицо колючую ледяную пыль.

Они оставили машину у покосившегося забора из гофрированного железа и прошли пешком до хлипкой дощатой будки, прилепившейся к ржавому остову портового крана. Это была вотчина Семёныча — диспетчера частных катеров, негласного хозяина местной маломерной флотилии, который знал о незаконных рейсах абсолютно все.

Дверь будки была приоткрыта. Внутри, в сизом дыму дешевых папирос, сидел грузный старик в засаленной, прожженной в нескольких местах телогрейке. Его левая нога, затянутая в безразмерный валенок, покоилась на пустом деревянном ящике. Семёныч был полупьян, но его выцветшие водянистые глаза сохранили холодную цепкость старого портового волка.

Гранин жестом остановил Кисляка на пороге, чтобы тот не светил полицейской выправкой. Следователь вошел внутрь один. Он не стал лезть за красным удостоверением. Вместо

этого молча выставил на заляпанный солидолом стол пузатую бутылку дешевого, но крепкого коньяка, купленную по дороге, и нераспечатанную пачку сигарет.

Семёныч хрипло кашлянул, перевел тяжелый взгляд с бутылки на помятое лицо Гранина и медленно сдвинул кепку на затылок. — Ты кто таков будешь? — прохрипел боцман, не при- трагиваясь к дарам. — Человек, который ищет одного пропавшего знакомого, — ровно отве- тил майор. Он достал из кармана распечатку фотографии Артура Липинского и положил ее рядом с бутылкой. — Видел его на косе?

Диспетчер прищурился. Его узловатые, покрытые вьевшейся мазутной грязью пальцы потянулись к пачке. Он неторопливо сорвал целлофан, вытянул сигарету и прикурил от бен- зиновой зажигалки. Гранин не торопил. Он знал этот сорт людей: начнешь давить авторитетом — замкнутся намертво. Нужно просто слушать паузы.

— Знакомый, говоришь? — Семёныч выпустил густую струю дыма в низкий потолок будки. — Гладкий больно для наших мест. Пальто на нем было дорогое, кашемировое, боти- ночки итальянские, в грязь наступить боялся. Приходил он. За неделю до того, как шторм передавали. — О чем спрашивал? — Гранин не сводил глаз с лица боцмана. — О глупостях всяких. Расспрашивал, кто из моих парней может за кордон сбегать. В нейтральные воды, зна- чит. В сторону финнов.

Гранин чуть подался вперед. — И что в этом глупого? Обычная контрабандная тропа. — Тропа-то обычная, — усмехнулся Семёныч, обнажив гнилые пеньки зубов. — Да только условия у него были шибко специфические. Ему нужен был катер с хорошей мореходностью, чтобы большую волну держал. И чтобы капитан согласился выйти в открытый залив прямо в штормовое предупреждение. А главное — с выключенным транспондером АИС. Чтоб на радарах у пограничников не светиться.

Боцман наконец потянулся к коньяку, скрутил пластиковую пробку и сделал долгий, жад- ный глоток прямо из горлышка. — Я ему говорю: ты, мил человек, самоубийца. В шторм без навигации идти — верная смерть на рифах. Ни один нормальный капитан за такое не возь- мется. А он мне пачку денег на стол кидает. Евро. Новенькие, хрустящие. Десять тысяч, гово- рит, наличными тому, кто согласится. И чтоб никто не знал.

Гранин сцепил пальцы в замок. — И кто согласился? — Никто в своем уме не согласился бы, — боцман вытер губы грязным рукавом телогрейки. — Но был у нас тут один отморожен- ный парень. Молодой, долгов выше крыши, лодка мощная. Вот он и подписался на этот рейс. — Дата, — жестко произнес Гранин. — Когда конкретно они договорились выйти в море? — Встречу они забили на девятнадцатое число. Ровно в полночь. — Владелец катера, — майор стремительно достал потертый блокнот. — Имя и где его сейчас найти. — Илья Ковалев. Катер «Стриж». У старого лодочного гаража обитает, — Семёныч тяжело вздохнул.

Гранин быстро чиркнул адрес в блокнот.

Гранин спрятал блокнот во внутренний карман вытертого драпового пальто, молча раз- вернулся и толкнул хлипкую дверь будки. Ледяной ветер с залива мгновенно ударил в лицо, выбивая из легких спертый дух диспетчерской, пропитанной дешевым коньяком и табаком. Майор шагнул на гнилые доски пирса. Дерево под ногами угрожающе прогибалось, источая густой запах слизи и гниющей морской капусты.

Кисляк, ждавший снаружи под козырьком крыши, тут же шагнул навстречу, на ходу сма- хивая с очков водяную пыль. — Что старик? — Старик подтвердил, — Гранин поднял ворот- ник, тщетно пытаясь закрыть шею от пронизывающей сырости. — Липинский искал катер. Десять тысяч евро наличными за ночной рейс в шторм с выключенным транспондером в сто- рону финской границы. Договаривался на девятнадцатое число. Ровно в полночь.

Кисляк присвистнул. — Девятнадцатое. Это же ночь, когда сторел микроавтобус. Значит, архитектор реально планировал побег, а не командировку. Но кто его повез? Семёныч дал

наводку? — Дал. Некий Илья Ковалев. Катер «Стриж». Обитает у старого лодочного гаража, в конце косы. Пробивай его по базам. Мне нужно знать все: судимости, долги, связи.

Они двинулись по узкому пирсу, лавируя между ржавыми швартовыми тумбами и обрывками старых сетей. Дальний тупиковый причал у волнореза был пустынен. Волны с силой бились о бетонные быки, разбиваясь в грязную белую пену. Чайки с истошными криками кружили над черной водой, словно предчувствуя надвигающийся шторм.

Сержант на ходу вытащил планшет, закрывая экран ладонью от хлещущего дождя. Его пальцы быстро забегали по сенсорным клавишам. — Ковалев Илья Сергеевич... — бормотал Кисляк, вглядываясь в синеватый свет дисплея. — Есть. Двадцать восемь лет. Дважды привлекался за браконьерство. Долгов по микрозаймам на полмиллиона. А вот это уже интереснее...

Сержант резко остановился, подняв взгляд на следователя. — Что там? — Гранин обернулся. — Катер «Стриж» зарегистрирован на него, но полгода назад Ковалев оформил генеральную доверенность с правом полного распоряжения. На некоего Олега Воронова. — Кто такой Воронов? — Воронов Олег Дмитриевич. Бывший сотрудник ведомственной охраны. Ныне — начальник службы безопасности корпорации «СеверСтройПорт». Компании, принадлежащей Виктору Смирнову. Тому самому Смирнову, который вчера заявился в квартиру Липинского за чертежами.

Гранин замер. Пазл, до этого состоявший из разрозненных, не стыкующихся друг с другом фрагментов, внезапно начал приобретать зловещие очертания. Липинский, загнанный в угол собственными махинациями на федеральной стройке, в панике искал путь нелегального побега из страны. Он нашел отчаянного браконьера, готового рискнуть в шторм за пачку наличных. Но архитектор не подозревал, что лодка браконьера уже фактически принадлежит безопаснику Смирнова — главного строительного подрядчика города. Липинский обратился за спасением к тем самым людям, от которых, вероятно, и пытался сбежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.